

Эльфийская стража

Автор:

[Ник Перумов](#)

Эльфийская стража

Ник Перумов

Миры УпорядоченногоЛетописи Разлома #8

Повесть «Эльфийская стража» входит в цикл «Хранитель мечей», но она оторвана от основного повествования, не связана с ним общими героями. Роднит её с историей о Фессе только место действия – мир, который спас некромант своей кровью, Эвиал.

В Зачарованном Лесе творится что-то странное. Величественные эльфы обманом уводят людей из окрестных хуторов и живьем закапывают в землю. Два сына бывшего наёмника Лемеха тоже оказались похищены. Ради детей он готов на всё, никакие препятствия не помешают Лемеху их найти – ни стычки с воинственными эльфами, ни даже птица, которая грозит уничтожить весь мир.

Ник Перумов

Эльфийская стража

Солнце садилось, вытягивались тени, сгущались, повисая, казалось, в воздухе; над дорогой перепархивали птахи, торопясь добрать своё при свете догорающего дня, прежде чем в свои права вступит угрюмая убийца-ночь и придёт время острых когтей с беспощадными клювами: время ночных охот.

Люди этих мест, вдоль плодородного, но мало населённого пограничья, где покрытая рощами и перелесками степная равнина, точно поток плотиной,

запиралась угрюмой стеной Зачарованного Леса, тоже не слишком жаловали ночной сумрак. И не потому, что были робкого десятка, таких тут уже давно не осталось; и не оттого, что во тьме им грозили неведомые чудища – люди сами привыкли поднимать на рогадины лихого зверя, быстро заставив хищников забыть вкус человечины; и не из-за разбойников – лютые ватажники, гроза Юга, раз и навсегда забыли сюда дорогу после того, как почти сотня их была развешена вверх ногами на могучих дубах, что росли вдоль дороги из стольного Княж-града в эти края... Удалось отбить охоту хаживать сюда за добычей даже у свирепых и неукротимых поури.

Лемех вышел во двор – выпустить на ночь побольше псов. Недоброй она может выдаться, ой, и впрямь ведь недоброй. Хорошо, жена не умеет так, как он, слушать птичий перебрёх, а то, наверное, уже упрятала бы в подполье всё семейство, не исключая и работников. Глупая! Не понимает, что как раз такие, дрожащие да прячущиеся, сильнее всего и притягивают беду. А вот если идти ей навстречу, да встать лицом к лицу – так ещё и неведомо, чья возьмёт.

До последнего времени верх брал как раз Лемех.

Неслышно ступая, подошла к хозяину Найда, старая, опытная сука, вожак своры и мать доброй половины Лемеховых псов.

– Чуешь их, старушка? – Лемех не повернулся, он чувствовал собаку не хуже, чем она его.

Найда взглянула на него и коротко кивнула – в своё время Лемех немало заплатил чародею, чтобы собака могла понимать человеческую речь и отвечать тем же слогом. Долго пришлось чародея искать, изрядно пришлось мощной тряхнуть – зато теперь Лемех ничего не боится, хотя живёт на самом краю Зачарованного Леса, где сгибло без вести незнамо сколько людей. Иной раз Лемех грешным делом думает, что поля его хорошо родят как раз оттого, что щедро удобрены телами тех бедолаг, что встретили здесь свою судьбу.

Но вслух он этого само собой никому не говорит.

«Чую», – тем временем кратко ответила собака. Её голос Лемех слышал, конечно, не ушами – ни один чародей не может сделать так, чтобы пёс человечьи слова бы произносил, кроме, говорят, только самых наисильнейших –

но вот мысли собаки услышать вполне даже можно. Лемеху этого было достаточно.

– Далеко ещё? – Лемех и Найда стояли у ворот, невысоких и по местным меркам вовсе даже и не крепких. Хозяин свято верил, что надеяться надо на себя, а не на стены с запорами.

«Два часа бега», – последовал ответ. Немалых трудов стоило научить собаку понимать человеческое время, но Найда оказалась очень способной ученицей. «Когда придёт мрак, они будут здесь».

Лемех ничего не ответил, принялся затворять ворота. Всё должно быть как обычно, твердил он себе, стиснув зубы. Всё должно быть как обычно. Они не могли догадаться. Им неоткуда узнать. Так что пусть себе приходят. Найда со всей сворой обучена уворачиваться от стрел, сколь бы меток ни оказался лучник. Арбалеты с железными тягами пробивают навывлет доспехи лесных пришельцев, магия...

Магия, она, конечно, да. Про живущих в глубине Леса волшебников болтали всякое. Лемех слушал бабью стрекотню вроде б и вполуха, да на ус мотал – и слухи порой оказываются верными. Впрочем, лесные эльфы показывались тут редко и далеко не всегда – со злом.

«Погоди, хозяин, – внезапно сказала Найда. – Погоди, я чую...»

Она замерла, втягивая ноздрями воздух. Свора – крупные, поджарые кобели с шипастыми ошейниками, умеющие не спасовать даже перед медведем, – окаменела позади своей предводительницы.

«Они идут сюда», – услышал Лемех.

– Значит, сторожи получше, – буркнул он, наклоняясь потрепать собаку по холке.

«Хозяин, они думают о тебе. Я чувствую. Я знаю».

Как Найда ухитряется это делать, Лемеха никогда не интересовало. Видать, добросовестный попался волшебник, сделал даже больше того, за что деньги

взял.

– Ну и пусть их, – ответил он, закладывая ворота тяжёлым брусом. – Пусть приходят. Найдётся чем встретить.

«Как скажешь, хозяин», – и Найда умолкла, повернувшись к своре, негромко гавкнула – псы опрометью ринулись в разные стороны сторожить. Если надо, стоя в один миг соберётся вместе.

Лемех кончил запирасть ворота и только теперь, повернувшись к дому, заметил Гриню.

Младший сын сидел на покато́й крыше возле крыльца и во все глаза пялился на отца.

– Слазь! – негромко бросил Лемех. – Слазь да помоги мне со стрелами, наверху, кажись, недостаток.

– А зачем стрелы, батя? – Гриня лаской соскользнул с крыши, мягко спрыгнул наземь. – Аль в гости кого ждём? Что тебе Найда сказала?

– Что сказала, то не твоего ума дело, – отрезал Лемех. – Делай что сказано. Да Аришу покличь.

Гриня недовольно насупился.

– Стрелы я принесу, батяня. Да только – на кого охотиться-то станем?

– Вот когда стрелы принесешь да разложишь, тогда скажу, – пообещал Лемех. Не дело, конечно, парнишке прыщавому в отцовские дела лезть, но да уж ладно – что-то больно смурной стал Гриня в последнее время.

Паренек, как положено, поклонился Лемеху и скрылся в доме.

Лемех остался стоять. Над тесовой кровлей пронёсся лёгкий ветерок, пошумел слегка хитрой Лемеховой трещоткой, ставленной не просто так, а с умом – если ветер внимательно послушать, много интересного о Зачарованном Лесе узнать

сможешь...

– Звал, батюшка? – На крыльце вырос Ариша, старший сын Лемеха, рождённый ещё даже до того, как сам Лемех пришёл в эти края. Этот – не Гриня, что вечно себе на уме. Ариша простодушен, открыт, к отцу почтителен. В его руки хозяйство и должно перейти; такой младшего брата не обидит.

– Гости идут, – коротко молвил Лемех, и могучий парень тотчас же подобрался, сжался, слово матёрый волк перед броском. Вопросов он задавать не стал, знал, всё, что нужно, отец и сам скажет.

– Понял, батюшка, – коротко кивнул Ариша и скрылся в доме.

Этот никому до времени ничего не скажет.

А говорить домочадцам Лемех ничего не хотел ещё и потому, что гости чуют страх лучше собак. И идут на него, точно медведь на малину.

Лемех ещё постоял немного и пошёл в подполье, помогать Грине, туда, где хранился изрядный запас тщательно выструганных, тяжёлых и коротких арбалетных стрел. Лемех жалел, что не хватило денег купить настоящих стальных дров, какими гномы торгуют на ярмарке в Княж-городе, но подземные умельцы просили слишком уж много. Ничего, и собственная работа сойдёт.

Гриня возился в полутьме подпола – видел парнишка во мраке лучше кошки. Лемех молча встал рядом, принялся снимать со стены тяжёлые вязки стрел, больше ощупью, чем полагаясь на глаза.

Мальчишка обиженно сопел. Лемех чуял его обиду, однако тоже молчал – должен же сын в конце концов понять, что можно, а что нельзя вслух болтать! Мало ли, для чего стрелы нужны, – не только ведь гостей незваных отгонять. Зверье всякое тоже, случается, хорошего болта так и просит.

– Наверх их все, – распорядился Лемех. – Арише отдашь.

Нагруженный вязками стрел Гриня молча потащил их по лестнице. Недоволен. Ну и ладно, подрастёт – поймёт.

Лемех снял со вбитого в стену крюка арбалет и, тоже прихватив, сколько мог, вязок, двинулся следом.

Ариша всё положенное исполнял крепко – все домашние при деле, никто не болтается без толку по клетям да переходам. Лемеху встретилась одна только старая одноглазая кошка, извечная супротивница Найды – предводительница своры с лёгкостью разорвала бы мышатницу, кабы не строгий запрет хозяина – должен же кто-то грызунов по клетям ловить.

– Ну, чего встала? – сказал Лемех кошке. – Не видишь, с чем я иду? Чуешь, чем дело пахнет? Помогла бы чем... а то лишь сметану горазда лакать.

Кошка обиженно вздёрнула хвост и нырнула куда-то в боковой лаз. Ну и ладно, лишь бы под ногами не вертелась.

Ариша уже успел перехватить Гриню, Лемех слышал уверенный бас старшего сына:

– Почему мало принёс? Спину ломать лень было? Знаешь ведь – нельзя за стрелами часто лазать! Эх, ты!..

– Так, значит, всё-таки гости у нас? – голос Грини дрогнул.

– Гости, не гости... – поняв свою оплошность, проворчал Ариша. – Стрелы давай! У окон раскладывай! Забыл, чему батюшка учит?..

– Не забыл, – проворчал Гриня. – И не думай, что я трушу!..

– А что ж мне ещё думать? Трясёшься, ровно лист осиновый!

– Ничего я не... – запальчиво начал было младший, но тут Лемех решил вмешаться.

– А ну, тихо, оба! – рыкнул он на братьев. – Языки, что помела поганые, на каких ведьмы скачут. Ты, Гриня, губу не дуй – кабы мог я на тебя полагаться, так всё сразу бы говорил. А ты, Ариша, младшего тут не шерсти – если надо, я сам это сделаю.

– Виноват, батюшка, прости великодушно, – Ариша тут же поклонился отцу в пояс. Нет, всё-таки вежество парень понимает... Гриня отмолчался, но ничего – с ним после потолкуем.

– Прощать потом стану, когда с гостями разберёмся, – проворчал Лемех, пристраивая арбалет на давным-давно укреплённой станине подле своего любимого окна.

Окно и впрямь было хорошо. Видно далеко, до самого края Зачарованного Леса, и кабы иметь оружие посильнее – за полтысячи шагов снял бы Лемех любого, хоть конного, хоть пешего – в своем глазе ему сомневаться не приходилось. И двор весь виден как на ладони – не спрячешься, ни одного угла не оставил Лемех непростреливаемым, когда ладил свою заимку. Будет чем попотчевать гостей незваных!..

Ариша тем временем споро раскладывал стрелы и арбалеты. Глядя на старшего, Гриня тоже как-то подтянулся. Если что случится, бить стрелами защитники станут отсюда, с высокой галереи, опоясывающей весь дом.

– Ну вот, слушайте оба, – Лемех откинул волосы со лба, перевязал их кожаным шнурком. – Я к ночи жду гостей. Найда их учуяла. Конечно, может, и мимо пройдут, но стрелы разложить не помешает. Как стемнеет, здесь сидите, глядите как следует. А пуще всего слушайте – где свора лай поднимет. Они-то, псы, гостей куда лучше нашего чуют.

Закончив с приготовлениями, Лемех спустился в горницы. Конечно, думал он, куда проще оружие все время наверху держать, но вот незадача – такие дома гости чуют едва ли не лучше, чем те, где подолы от страха обмочили. Вот и приходится хитрить, таскать самострелы-арбалеты туда-обратно... Гости этих – поди пойми!.. Правда, в округе считали, что он, Лемех, понимает их куда лучше всех остальных вместе взятых, – недаром его заимка стоит, почитай, на самом краю Зачарованного Леса. А кругом одни только пепелища и остались – какие ещё не размыло весенними дождями.

Домочадцы не должны ничего знать до самого последнего момента. Потому что гости чувят не только страх. Они чувят и ненависть, чувят и неприязнь – и могут заглянуть на огонёк. А поскольку любить их было не за что...

Впрочем, поправил сам себя Лемех, тут он не прав. Если уметь ладить с лесными гостями, можно немалый прибыль извлечь. Вот, как он, например. Далёко не всегда ведь дело стрелами кончается!..

– Отец, сидать будешь? – окликнула его от кухонной печи жена. Лемех не строил специальной летней кухни, сделал хитрую систему печных ходов, подвёл проточную воду – и теперь его домашним незачем было лишний раз околачиваться во дворе, который хоть и огорожен высоким тыном, но само собой – не крепость.

– Отчего ж нет? – отозвался Лемех. – Созывай народ.

– Сейчас, – жена вытерла руки передником, поправила волосы. – Что-то ты вроде как смурной?

– Да нет, – отмахнулся Лемех. – Эвон, гвоздь в сапоге, – он принялся стягивать обувь.

– А-а, – протянула жена. – А то я уж думала...

Лемех потянулся, вынул из ящика стола небольшой молоток.

– Сейчас я его... – задумчиво протянул он, осматривая и в самом деле выставивший наружу острие сапожный гвоздик.

Жена высунулась за дверь, созывая домашних.

«Хозяин!» – услышал Лемех.

Найда. Что-то случилось, не иначе.

Тем не менее Лемех закончил с гвоздём, натянул сапог, неторопливо вышел.

Найда замерла возле самых ворот, напряжённая, вытянувшись в струнку, точно учуяв дичь.

«Хозяин, они здесь!»

«Как так? – опешил Лемех. – Ты ж сказала...»

«Они здесь, хозяин!» – вслух Найда заскулила.

Видать, быстро шли, подумал Лемех, с деловитым видом похлопывая по запорному брусу, точно проверяя прочность. Слыхали мы о таких вещах, слышали... Ничего хорошего теперь точно не жди.

И верно.

Лемех не успел даже подать команду сыновьям. Найда с глухим рычанием подалась вперёд, из разных углов двора ей мгновенно отозвалась свора; и тотчас же в ворота постучали. Требовательно, сильно, властно – подобно княжьим гонцам.

Если гости, несмотря ни на что, всё-таки пожаловали и ты не положил их стрелами на ближних подступах, то тебе осталось только одно – открыть. Потому что если гости незамеченными дошли до самых твоих ворот, и даже Найда не учуяла их – значит, шли они, накрывшись плащом невидимости, сильной своей магией, против которой стрелы, право же, не самое лучшее оружие.

– Кому тут не спится, не лежится? – громко крикнул Лемех в ответ на стук. – Кого дорога прямоезжая ко мне привела?

– Перестань, Лемех! – резко ответил звучный и сильный голос снаружи. – Не скоморошничай, уж тебя-то я знаю. – Голос произносил человеческие слова чисто, но со странным горловым акцентом.

– Вот только я тебя не знаю, гость дорогой, – отозвался Лемех. – Скажи мне лучше, чем мне тебе угодить, как тебя ублажить?

– Ворота открой! – потребовали снаружи.

– Гм? – усмехнулся Лемех.

– Лемех! Хватит! Ты ж не глупец, понимаешь – раз мы до тебя так быстро добрались, да притом и невидимками, то можем всю халупу твою по брёвнышкам раскатать!

– Плох тот гость, что, порога не переступив, хозяину грозить начинает, – с достоинством ответил Лемех. – Давайте, творите вашу волшбу, а я пошёл. У меня дел невпроворот.

– погоди! – внезапно смягчившимся тоном попросили из-за дверей. – погоди...пусти нас, Лемех,пусти, раненая у нас! Боюсь, не донесём...

– Да ты смеёшься надо мной, гость дорогой? – прежним тоном ответил Лемех. – Иль я не знаю, что вы все раны врачуете за день, самое большее – за два?

– Враки, – раздражённо бросили снаружи. – Если рана лёгкая, то да... а когда тяжёлая...

– То что?

– Что, что! Покой ей нужен! Постель, вода горячая... э-э-э...

Лемех замешкался. С подобным он ещё ни разу не сталкивался. Чтобы гости попросили бы помощи для раненой?..

– Скорее, Лемех! Скорее! У нас на плечах – Гончие Крови!

Гончие Крови. Только вас нам тут и не хватало, угрюмо подумал Лемех. Слышал я про вас... давным-давно. Шалили вы на Дальнем Востоке, на Западе, слышал, дела свои творили... а вот до нас не добирались.

– Лемех, ты же знаешь – если они учуют кровь... нашу кровь – их уже ничем не остановишь! Будут гнаться, пока последняя из них не упадет мёртвой!

Это было правдой. Нет ничего лакомее для Гончих Крови, чем струящаяся по жилам влага, особенно если это жилы тех, кого люди привыкли называть эльфами.

– Хорошо! – внезапно вырвалось у Лемеха, прежде чем он сам успел зажать себе рот. Руки его принялись отодвигать тяжеленный засов. – Входите, только быстро! Знаю я этих гончих...

А ну как врут? – мелькнула тревожная мысль, однако створка ворот уже распахнулась.

Лемеху предстал внушительный отряд – шестеро эльфов, все – в боевых плащах и масках, с длинными луками за плечами, с тонкими клинками у поясов; четверо несли наспех связанные из сыромятных ремней носилки; раненая лежала неподвижно под грудой окровавленного тряпья.

Найда отступила, прижавшись к самым ногам Лемеха, оскалила зубы. Как бы то ни было, она без боя сдаваться не собиралась.

Высокий эльф с белым пером, залихватски воткнутому в сдвинутую набекрень треугольную шапочку, с речными жемчугами на воротнике плаща шагнул вперед, однако обратился отчего-то не к Лемеху, а к Найде – присел на корточки, уперев руки в обтянутые зеленым сукном колени, посмотрел суе прямо в глаза.

– Разрешить войти, хозяйка? – без тени насмешки спросил эльф. – Моей сестре очень плохо... Гончие добрались до неё прежде, чем мы успели оказать помощь.

Что ответила эльфу Найда, Лемех не узнал, потому что в тот миг ему протянул руку второй эльф, без жемчугов и перьев, но с характерной россыпью тускло мерцающих огоньков на его луке. Каждый огонёк означал убитого врага – как правило, принадлежавшего к тому же роду человеческому, что и сам Лемех.

Эльф-стрелок протягивал руку Лемеху, а тот сперва так опешил, что едва не испортил всё дело – лесной воин уже начинал хмуриться.

Ладонь у эльфа оказалась неожиданно мягкая, взбугрённая мозолями клешня Лемеха, казалось, сейчас запросто раздавит её – но не тут-то было. Лемеху показалось, что он вцепился в стальной наконечник копья.

– Зачем? – улыбнулся эльф. – Нам с тобой силой меряться – зачем?..

И, надо сказать, улыбка вышла у него очень располагающая. Трудно было поверить, что этот воитель небось совсем недавно всаживал стрелу за стрелой в защитников такой же, как и у Лемеха, заимки.

– Несите раненую, – вместо ответа скомандовал Лемех. – В дом – или куда?

– Лучше во дворе, под навесом, – отозвался первый эльф, что назвался братом раненой. – Не беспокойся, Лемех, мы сами всё сделаем. Пара-тройка колов найдётся?

– Найдётся, – машинально ответил Лемех. – Ариша! Гриня!

Пусть посмотрят. Пусть поймут, что и с гостями надо уметь разговаривать – не только стрелами.

На крыльце показались сыновья – оба без оружия, хорошо, хватило ума. Застыли, вытаращив глаза; но потом Ариша слегка пихнул младшего в бок, и оба как ни в чём не бывало поклонились явившимся.

– Легка ль дорога? – почтительно осведомился Ариша, как и положено знающему вежество молодцу, будущему домохозяину.

– Благодарствую, легка, – хором ответили все шестеро эльфов.

– Колы подайте гостям, за сараем возьмите! – распорядился Лемех. – Да поживее!

Сыновья опрометью бросились прочь.

– Воду горячую сейчас принесут, – сказал Лемех, направляясь к крыльцу. – Сейчас распоряжусь...

– Благодарю, Лемех, – сказал эльф, тот самый, что пожал ему руку. – Что б мы без тебя делали...

Лемех замешкался – смеются над ним, что ли?.. Но нет, эльф казался совершенно серьёзным.

В сенях столпились перепуганные домочадцы – Лемех поднял руку, успокаивая своих:

– В порядке всё, в порядке!.. Давайте-ка, бабоньки, воды кипятиться поставьте, да побольше! Гости раненую привезли, им кипятик нужен. Ну-ка, поживее!

Женщины опрометью бросились к печи, поволокли чугунные котлы. Лемех успел ободряюще похлопать по плечу бледную, дрожащую жену и пошёл обратно во двор – как бы там ни было, хозяин гостей надолго оставлять не может.

Ариша с Гриней уже успели притащить длинных шестов. Эльфы осторожно опустили носилки на утопанную землю двора, четверо принялись деловито вбивать колья, старший из них, с жемчугами на обшлагах и воротнике, что-то негромко приказывал, а второй, тот самый, что протянул Лемеху руку, стоял на коленях возле носилок, водил руками над раненой, творил свою непонятную честному люду волшбу... Мимоходом Лемех подумал, что, видно, сплеховало на этот раз чародейство, раз пришлось гордым лесным воинам, стражам Зачарованного Леса, просить помощи у презренных людишек, в земле ковыряющихся.

Но вслух он этого, разумеется, не сказал. Да и мысли опасные поспешил прогнать поскорее.

Мимоходом он взглянул на сыновей – Ариша держался молодцом, помогал вгонять заострённые колья, а вот Гриня... младшенький, разумеется, вылупил зенки и стоял, во все глаза тарашась на эльфов, – то есть вёл себя донельзя невежливо и даже оскорбительно. В другой раз лесные находники небось зарубили бы наглеца в один миг, а тут смотри-ка, терпят...

– Гриня, поди-ка сюда, – ледяным голосом сказал Лемех. Не хватало ещё этим эльфам понять, до чего же он испугался за непутёвого сына!

– Погоди, Лемех, – внезапно сказал стоявший на коленях эльф. – Погоди... Гриня, пожалуйста, подойди...

– Это ещё зачем? – подозрительно спросил Лемех. Не сдержался – и тотчас облился ледяным потом – в тёмных глазах эльфа мелькнула гневная искорка.

– Тебе никто не говорил, что у мальчика есть способности к магии? – ответил эльф, не вставая с колен. – Не поверю. Ты же приглашал волшебника... зачаровывал Найду... ужель тебе не сказали?

Лемех стиснул зубы. Только этого ему и не хватало! Гриня, совершенно остолбенев, только и мог что переводить растерянный взгляд с эльфа на отца и обратно.

– Ну, Гриня, что же ты? – вновь позвал мальчишку эльф. Остальные гости старательно делали вид, что ничего не замечают. – Мне нужна твоя помощь, aide.

Айде. Друг по-эльфийски. Никогда ещё за долгую и полную приключений жизнь Лемех не слышал, чтобы Перворождённый так назвал бы смертного и короткоживущего человека.

Мальчишка точно во сне шагнул вперед, почти что рухнул на колени рядом с носилками – и в этот момент покрытые бурыми пятнами тряпки зашевелились, показалась узкая ладонь с тонкими, перепачканными кровью пальцами, затем – копна золотистых волос; открылось лицо, и даже Лемех, уж на что был крепок по части женского полу, едва удержался, чтобы не крикнуть.

Эльфийка была, что называется, чудо как хороша. Красавицы среди этого народа редки, людскому глазу они непривычны, наверное, в этом-то всё и дело; но с этой золотоволосой всё вышло как раз наоборот.

Высокие скулы, миндалевидные глаза, изящные завитки над висками, тонкие бледные губы, точёный подбородок – ну точь-в-точь старинная миниатюра, каких немало довелось видеть Лемеху ещё в ту пору, когда он странствовал по свету с «Весельчаками Арпаго», Вольной Ротой свободных воинов – нередко их нанимали даже монастыри, славные своими книгохранилищами...

Ариша скрипнул зубами, но пересилил себя – отвёл взгляд. А вот Гриня, тот, похоже, совсем обеспамятовал. Вперился взглядом в лесную деву, да так, что, казалось, сейчас и вовсе чувств лишится. И – что странно! – оба эльфа-предводителя глядели на это да только усмехались. Четверо же простых воинов и вовсе сделали вид, что ничего не заметили.

– Помогай мне! – наконец дернул Гриню за рукав эльф-стрелок. – Делай, как я! Руки вытяни... вот так... чтоб над лицом были... смотри на неё, смотри как следует! И повторяй про себя – хочу, чтобы она поправилась! Понял? Повторяй! Ну же!

Гриня повиновался. Ни на отца, ни на брата он уже не глядел.

– А вот и кипяток несут, – кашлянув несколько громче, чем следовало, сказал Лемех.

– Отлично, – отозвался первый эльф, тот, что с жемчугами. – Пусть поставят здесь... мы сейчас приготовим отвары, – он повернулся к молчаливой четвёрке воинов и что-то коротко прибавил по-эльфийски.

Трое гостей дружно принялись натягивать полог на вбитых кольях, четвёртый открыл плетёную сумку, вытащил связку странно пахнущих трав – свежих, словно только что сорванных. Предводитель осторожно опустил их в парящий котёл – и вода тотчас потемнела.

– Достаточно, – вороживший вместе с Гриней эльф тронул мальчишку за плечо. – Достаточно, остановись, ты отдаёшь слишком много!..

Гриня не отвечал. Глаза парня закрылись, руки всё двигались и двигались над запрокинутым лицом эльфийки, обрамлённым дивными волосами.

– Irro! – воскликнул стрелок и уже без всяких церемоний схватил Гриню, как следует встряхивая.

– Не так это надо делать, – проворчал Лемех, шагнув вперёд и как следует огрев Гриню по затылку.

– Батяня, за что?.. – тотчас же проскулил юнец.

– Вот видите, гости дорогие, – развёл руками Лемех.

Потирая затылок, Гриня отошёл в сторонку.

– Это для твоего же блага, юноша, – дружелюбно сказал стрелок. – Ты неопытен, ты не умеешь управлять своей силой... ты мог бы погибнуть, спасая её, – кивок в сторону неподвижно лежавшей эльфийки.

«С каких это пор Перворождённому стали заботить человеческие жизни?» – чуть было не сорвалось у Лемеха с языка. «И что это он про силу у Грини болтал? Он даже мухи заговорить никогда не мог, чтобы не жужжала, не говоря уж о том, чтобы боль зубную снять!»

Ариша одним прыжком оказался возле младшего брата, сгреб в охапку и, прошипев: «Домой, живо!», поволок Гриню, точно куль с мукой.

Эльфы проводили братьев вежливыми улыбками.

– Хорошие у тебя сыновья, Лемех, – заметил предводитель. – Гриня в особенности.

– Про какую такую силу вы тут толковали? – проворчал Лемех. – Только голову парню забиваете.

– Не забиваем, – возразил стрелок. – Сила у него и впрямь есть, только использовать он её совершенно не умеет. Что и неудивительно.

Лемех промолчал. Не хватало ещё этих гостей незваных в его домашние дела впутывать! Нет уж, пока ещё он в своём доме хозяин и сам решать будет – кому и что делать, каким ремеслом заниматься. Ариша дом унаследует, а Гриня в мастерские пойдёт, всякие поделки у него неплохо получались...

Четверо воинов тем временем поставили парящий котёл в головах раненой. Густой коричневатый пар стлался по земле, словно настоящий туман – не выходя, однако, за пределы навеса.

– Мы задержимся ненадолго, Лемех, – сказал предводитель, оправляя плащ. – Ни еды, ни постелей нам не нужно. Завтра мы отправимся дальше – спасибо твоему младшему сыну, если б не он, мы застряли бы здесь на несколько седмиц.

Звучало это словно «Ты можешь идти!». Лемех, впрочем, предпочёл не обижаться.

– Все равно, гости дорогие, так дела не делают, – решительно сказал он. – Вы меня и моих по именам знаете, а сами даже и не назвались. Нехорошо как-то. Чай, в честный дом зашли, не в ушкуйничий притон.

– Гм... да зачем тебе наши имена, Лемех? – сказал стрелок, не поворачивая головы, – он стоял на коленях, склонившись над раненой. – Что они тебе скажут?

– Неважно, – насупился Лемех. – А всё-таки звать-величать мне как-то вас надо.

– Ну, хорошо, – вздохнул предводитель. – Меня можешь звать Полночью.

– Полночью? – поразился Лемех.

– Полночью. А что тут такого? Твое имя ведь тоже не просто набор звуков. А вот он, – Полночь кивнул в сторону стрелка, – на твоём языке будет зваться Месяцем.

Месяц-лучник коротко поклонился.

– А она? – спросил Лемех, указывая на раненую эльфийку.

– Она? О, её имя как раз тебе под стать, – усмехнулся Полночь. – Она – Борозда.

– Лемех... и Борозда. – Месяц поднялся с колен. – Она моя невеста, Лемех. Запомни это.

Лемех зло сощурился. Эх, не будь он один, да ещё и без оружия, поучил бы тогда этого Перворождённого нахала вежеству!

– Оставь, Месяц, – поморщился Полночь. – Лемеха не знаешь, что ли?

– Знаю, – вздохнул Месяц. – Прости, Лемех. Сорвалось...

– Ну и ладно, – проворчал Лемех. – Раз ничего от меня больше не надо, пойду я. Дел невпроворот. Найда!

«Хозяин! Хозяин! Беда! Беда! Горе!»

Найда вихрем влетела в так и оставшиеся незакрытыми ворота. Шерсть на загривке встала дыбом, зубы оскалены. Она не знала, как называются те, кого она, движимая своим звериным чутьём, выследила-таки на самых подступах к заимке Лемеха, но и того, что увидел Лемех её глазами, вполне хватило.

Гончие Крови во всей своей несказанной красе.

– Гончие! – рявкнул Лемех прямо в ухо оторопевшему Полуночи. – Добрались-таки, выследили, так вас, следопытов хреновых, перетак и разтак!.. Ариша! Арбалеты!

Никто из домашних Лемеха отродясь не видывал таких бестий. Это вам не могучие, злые, но – обычные хищники окраин Зачарованного Леса, те, что навеки так и остались между эльфами и людьми. С этими никто из Лемеховых бы не сплеховал, но Гончие...

Лемех не знал, кому служили эти твари, – ни одна из попадавшихся ему книг об этом впрямую не говорила, а где уж простому наёмнику вплотную заниматься библиографическими изысканиями! Никогда ещё Гончие не появлялись так близко от границ Зачарованного Леса, страшные байки бродячих сказителей долгое время так и оставались байками, какими пугали детей зимними вечерами, когда всё-таки выпадал снег.

– Гончие? – запоздало удивился Полночь. – Откуда? Я их совершенно не...

...Шестеро тварей, взявшись невесть откуда, вынырнули возле самых ворот заимки. Вынырнули словно и впрямь из-под воды. Только что никого тут не было, лишь утоптанная земля с торчащим кое-где подорожником, а теперь тут

застыли создания, каких не увидишь и в страшном сне, потому что сны мы создаём себе сами, как учил Лемеха один учёный монах – перед тем, как помер от голода во время осады Литонского монастыря в Кинте Дальнем...

Эльфы, как стояли кружком вокруг раненой, так бы и остались – но только теперь уже лежать, разорванные не то чтобы даже в клочья, а много меньше – если б не стрелы Лемеха и сыновей. Арбалеты ударили дружно и метко, Лемех не зря тратил княжьи гривны, покупая самые лучшие оголовки, подолгу вывешивая и балансируя болты. Морду самой смелой из Гончих почти что разорвало в клочья – стрелы проходили навывлет, оголовки проворачивались в ране, дробя кости и кромсая плоть; громадные зелёные буркалы выбило, голый череп с редкими бурыми волосами, невесть как на нём державшимися, лопнул, словно взорвавшись изнутри; тварь припала на передние лапы, судорожно скребя землю громадными когтистыми лапами, но пятеро остальных в тот же миг рванулись вперёд. Молча, беззвучно, стремительно – они видели врага, и остановить их не могла даже смерть.

Выстрелить успел только Месяц, схватиться за меч – только Полночь. Четверо простых воинов, не столь умелых или же не столь удачливых – они оказались ближе к воротам, чем их предводители, – схватились с Гончими врукопашную. Шестая, безголовая тварь, мотая торчащим из разорванной шеи позвонком, словно чудовищным стеблем, тоже метнулась вперёд – болты ударили ей в бок, опрокинули наземь; Лемех, Ариша и Гриня стреляли, не тратя время на перезарядку оружия – это дело женщин. И как стреляли – ухитряясь попасть в волчком крутящихся Гончих, не задев при этом лесных воинов.

Страшный лук Месяца прогудел похоронным звоном, тяжёлая стрела пробила грудь зверя навывлет, однако лишь слегка задержала его прыжок. Правда, эльфу и этого мига хватило, чтобы откинуться назад, выставив перед собой длинный и тонкий кинжал, невесть как возникший в левой руке лесного воина. Серебристая сталь пропоролла грудь бестии, но та лишь зарычала, опрокинув Месяца наземь, – эльф едва успел увернуться от длинных, блеснувших зелёным ядом когтей.

А стрелы всё летели, они не могли убить зачарованных тварей, но всё-таки не давали им рвать свою добычу совсем уж без помех – сбившая одного из воинов Гончая сама опрокинулась, пробитая сразу тремя стрелами; окровавленный воин вскочил, с размаху воткнул в дернувшегoся зверя клинок – и отскочил, собой закрывая раненую эльфийку, потому что шестая Гончая, получившая больше всех в самом начале схватки, благоразумно избегала нападать на вооруженного

и сопротивляющегося врага; непонятно было, как обезглавленная тварь ухитряется видеть, но раздумывать на эти темы никто, понятно, не мог.

Полночь ловко отмахивался серебристым клинком – клочья плоти так и летели, однако Гончая словно и не чувствовала боли и не думала отступить. Месяц выдернул кинжал, вонзил снова – ничего. Казалось, Гончих можно убить, только изрубив на куски; арбалетные стрелы отбрасывали их, опрокидывали – но упрямые бестии вставали снова и снова.

Покрытые кровью эльфы всё-таки сумели сомкнуть круг вокруг раскинутого тента, защищая свою раненую.

Лемех в очередной раз вскинул поданный женой арбалет. Ясно дело, что дело дрянь, как говаривал ротный Арпаго, когда их отряд в очередной раз попадал в засаду, – стрелами Гончих не остановить, здесь нужно чародейство; эх, эх, сейчас бы того мага, что ходил как-то с их Ротой, по каким-то своим делам в Кинте Дальнем оказавшись!

Там, на дворе, Полночь что-то яростно закричал на своём языке, вроде как призывая своих идти в атаку, размахнулся клинком, снеся полбока бросившейся на него Гончей, – и сам тотчас упал, потому что безголовая бестия бросилась на него сзади; Ариша послал меткую стрелу, болт пробил твари шею, но не остановил.

Лемех в свою очередь взял прицел – и невольно замешкался, увидел, как на носилках шевельнулись окровавленные тряпки. Упала, растеклась по земле волна золотых волос, поднялась тонкая рука – жест, наверное, должен был казаться властным, но вышел просто жалким, – однако в следующий миг даже не способного и нечувствительного к магии Лемеха окатило такой волной Силы, что он едва удержался на ногах. Тряпьё упало, эльфийка выпрямилась – казалось, даже не пошевелившись; рука по-прежнему поднята над головой, и теперь этот жест не казался уже ни смешным, ни жалким. Опаляющая Сила текла с поднятой руки, такая, что даже Гончие Крови остановились и попятнулись, впервые нарушив молчание и принявшись глухо завывать, словно от страха. Серебристо-изумрудным светом заискрились, зажглись клинки эльфов, стрела Лемеха пронеслась, оставляя за собой чёрно-алый след, попала в грудь отпрянувшей Гончей – и тварь неожиданно завывала в агонии, валясь на бок и судорожно дёргая когтистыми лапами. Сверкнул меч Полночи, разорвав шею ещё одной твари – однако, как ни странно, Гончая лишь дёрнулась, зубы

кляцнули рядом с лицом эльфа – его оружие не обрело той же силы, что и простые стрелы Лемеха с сыновьями. Шесть арбалетных болтов – и шесть Гончих легли бездыханными, хотя едва ли эти порождения чёрной магии обладали способностью дышать.

Бой закончился.

А эльфийка замертво рухнула обратно, уткнувшись лицом в землю.

Несмотря на собственные раны, шестеро эльфов разом бросились к ней, словно и впрямь могли чем-то помочь.

– Гриня! – страшным голосом внезапно закричал Месяц. – Сюда! Скорее!..

Лемеху показалось – его младшенький сейчас сиганёт прямо из окна. Гриня кубарем покатился вниз по узкой лестнице, едва ли не быстрее того же арбалетного болта вылетел на улицу.

Лемех с досадой плюнул, в сердцах хватив арбалет об пол. Вот не было печали! Младшенький-то вон как полетел, чуть из штанов не выпадая; ему, отцу, случалось не дозваться сына – пока подзатыльником не угостишь, сидит и мечтает себе о чём-то, как говорится, – о зелёных лугах, наверное; а тут стоило эльфу позвать... Может, и правильно жена говорила: застоялся парень, девка ему нужна, тогда, быть может, и не запал бы так на эту соломенноголовую красотку.

Но что сделано, того не изменишь. И остаётся ему, Лемеху, теперь только скрипеть зубами при виде того, как сын широко раскрытыми глазами глядит на эльфийку и слова склонившегося над ним Месяца слушает, будто это само святое Спасителево писание.

«Что столбом стоишь? – зло рявкнул сам на себя Лемех. – Ждёшь, пока они Гриньке совсем глаза отведут, Спаситель ведаёт что с ним сделают?! Иди туда, отец ты или кто?!»

...И Полночь, и Месяц, и остальные четверо эльфов-воителей разом обернулись, стоило Лемеху появиться на крыльце. Гриня с Месяцем стояли на коленях,

дружно водили руками над неподвижной эльфийкой, ворожили, противное Спасителю колдовство творили, если верить настоятелю отцу Никодиму, которому Лемеху волей-неволей приходилось покорствоваться, потому что не ровён час – донесёт святой отец, и не успеешь оглянуться, как примчатся сюда из Княж-городка лютые псы-инквизиторы суд творить и расправу...

Месяц только коротко взглянул на хозяина заимки и снова отвернулся – продолжать своё чародейство, а вот Полночь, напротив, широкими шагами двинулся через двор наперерез Лемеху.

«Он что, остановить меня хочет?» – волной толкнулся жаркий непрошенный гнев. И, словно чувствуя ярость хозяина, невесть откуда вывернулась Найда – умница Найда, молодчина Найда, сберегла свору, не бросила в безнадёжную схватку с Гончими Крови – что ей жизни каких-то там эльфов!

Так, вдвоём, они и пошли навстречу гостю.

Надо сказать, выглядели эльфы неважно – Гончие изрядно их помяли и потрепали. Правда, держались лесные гости достойно – свои раны заботили их явно меньше, чем бесчувственная эльфийка.

– Стой, Лемех, стой! – Полночь чуть ли не умоляюще протянул руки навстречу человеку. – Стой, не мешай им! Мы можем потерять Борозду, если твой сын не поможет нам!

– Волшбу эльфийскую творить... – хрипло проговорил Лемех и сам сделался себе противен – не он ли в мыслях крыл извергов-эксекуторов последними словами, сулясь «вот пусть только посмеют ко мне сунуться...».

– Святая Инквизиция? Боишься доноса, Лемех? Среди работников ненадёжные есть? Ну, об этом мы тоже поговорим... если ты согласишься, конечно.

– На что это я согласиться должен? – мрачно осведомился Лемех, стараясь не упускать Гриню из вида. Ну и дела – эльф сам покрыт кровью, еле на ногах стоит – а речи ведёт не о себе, и даже не о Гончих – почему оружие Лемеха оказалось действенной зачарованных эльфийских клинков – видно, и в самом деле ценна для них эта Борозда, если ради этого они, гордецы, ему, Лемеху, двор готовы плащами мести...

Полночь пристально взглянул Лемеху в глаза.

- Про Эльфийскую стражу слышал, человеке? - напрямик спросил лесной воин.

Эльфийская стража! Кто ж про неё не слышал! С некоторых пор гости из Зачарованного Леса стали сами переманивать окрестных поселенцев себе на службу - мол, не платите ни подати в Княж-городок, ни десятину церковную, а платите вы нам, да и то сущую ерунду - двадцатый сноп с богатого урожая, а в недород и вообще ничего с вас не возьмём; с инквизицией мы сами разберёмся, а вы находников-добытчиков в наш лес не пускайте, о княжьих походах предупреждайте, ну, а уж если придёт беда - встанем все совокупно против вражьей рати!

Да только как этому самому Перворождённому втолковать, каково это - против своих идти?

- Слышал, только вот что мне в ней толку? - пожал плечами Лемех. - Немногие, я знаю, на посулы щедрые поддались...

- Пока немногие, - с нажимом сказал эльф. - Но их становится всё больше и больше. Я не буду с тобой хитрить, Лемех, ты нам нужен. И ты, и Гриня, и Ариша. Вы все.

- А я-то думал, двадцатый сноп вам надобен... - не удержался Лемех. Полночь выразительно поднял брови.

- Ты прав, - неожиданно сказал эльф. - Насчёт двадцатого снопа. Хлеб нам нужен, очень нужен... нет смысла от тебя это скрывать. Но куда больше нам нужны люди. Даже больше... больше, чем сейчас кипятков. Не откажи в любезности, Лемех, - когти и клыки у Гончих ядовиты, и если мы не...

- Эй, бабы! Кипятка сюда, да побольше! - рявкнул Лемех, поворачиваясь к дверям дома. - Сейчас притащат, - посулился он.

- Так вот, Лемех, слушай, - Полночь стёр кровь с лица зелёной замшевой перчаткой, посмотрел, скривился, сдёрнул перчатку с руки, зашвырнул подальше, за забор. - Большие дела завариваются на юге, кой-кому в Княж-

городе наш лес поперёк горла встал...

- А мы должны его своими телами закрывать? - зло перебил Лемех эльфа. Не хотел он с ним спорить, и смысла говорить всё это не было, а вот поди же ты - не сдержался...

Полночь, сощурившись, посмотрел на человека, и Лемех, куда как неробкого десятка, отчего-то почувствовал тошноту - так стало страшно.

- Не пугай! - нашёл в себе силы прохрипеть Лемех. - Не на таковского напал...

- Знаю, - проговорил эльф. - Потому и терплю.

- Терпишь? - криво усмехнулся Лемех.

- Терплю. И говорю с тобой, крови не утерев.

- Так утри! Что за спешка? Я, чай, сквозь землю не провалюсь.

- Я могу провалиться, - хладнокровно заметил эльф, проводив взглядом Аришу, легко протащившего через двор неподъёмный дымящийся котёл с кипятком. - А другие, Лемех, могут оказаться не столь терпеливы, как я.

Лесные воины начали приводить себя в порядок, Месяц с Гриней всё ещё ворожили над эльфийкой.

- Вы, порубежники, сейчас как между молотом и наковальней, - вновь заговорил Полночь. - Княжья рать через ваши места пойдёт - тоже несладко придётся. Скот вырежут, женщин... ну, сам понимаешь. Да ещё и вперёд вас погонят - под наши стрелы. А ежели с нами встанешь, Лемех, то по крайней мере семья твоя в безопасности будет. Всегда сможет в глубину Зачарованного Леса уйти.

Лемех ничего не ответил. И для чего этому эльфу так его уговаривать? Так о жизни его заботится?.. Случалось, гости лесные целые заимки сжигали, со всеми обитателями, ни детишек не жалели, ни стариков, ни баб. А тут - эвон как. Иное что-то им от меня надо, думал Лемех. Уж не Гриню ли? Не-ет, не видать им парня как своих ушей.

Полночь терпеливо ждал.

– Решай, Лемех, решай, – наконец нарушил молчание эльф.

– А почему сейчас? Что, на пожар спешим? – огрызнулся Лемех. – Такие дела, знаешь ли, с кондачка не делаются.

С этими гостями лесными говорить – всё равно что в детскую игру играть: «да и нет не говорите, чёрно с белым не берите». Отделяйся полунамёками, на вопрос отвечай вопросом, а у кого лучше язык подвешен – у утончённого эльфа, что носа из своего Зачарованного Леса невесть сколько лет не высовывал, или у тёртого жизнью мужика Лемеха, что и в наёмниках послужил, и мир повидал, и за правое дело сражался, и, как говорится, за левое...

– Что ж мне тебя, в Лес сперва вести? – возмутился Полночь. – Нет на это у нас времени, Лемех, нету, понимаешь? Вон, Гончие Крови уже и до этих мест добрались. Думаешь, на заимке своей отсидишься, за высоким забором? Думаешь, арбалеты от таких тварей – защита? Кабы не волшебство Борозды, ничего не сделали б Гончим твои стрелы...

– А кабы не мои стрелы, так и волшба Борозды ни к чему б оказалась, – отпарировал Лемех.

– Верно, – неожиданно легко согласился эльф. – Ни к чему оказалась бы. Заговорены твари были против нашего чародейства, кем и как – сейчас уж неважно. Твои болты требовались, холодное железо, человеком выкованное... – Полночь оборвал речь. – Ну, да об этом тоже после потолкуем. Вот что я тебе скажу, Лемех, не знаю уж, поверишь ты мне или нет, – страшные времена подступают, кровавые, такие, что наши предсказатели даже ворожить не осмеливаются. Хватит кровью да обидами считаться. Или все вместе выстоим – или все вместе сгорим, да в таком огне, что даже и души не останется. Что, не веришь?..

– Трудненько тебе поверить, гость дорогой, – усмехнулся Лемех. – Ты вот пугаешь, а мне нестрашно...

– Ну да, да, ты человек жизнью тёртый, – с досадой перебил эльф, – с «Весельчаками Арпаго» на Кинт Дальний хаживал, по мятежным провинциям Мекампа гулял, бунты в Эгесте подавлял... Всё про тебя знаю. Ты, прежде чем золотой принять, его не только на зуб пробуешь, но и кислотой травишь. Ладно, будь по-твоему. Оставляю тебе вот это, – Полночь протянул Лемеху руку. На ладони эльфа лежала искусно вырезанная деревянная свистулька, не как у людей – в форме петушка или медведя, или ещё какого зверя, а просто сучок неошкуренный.

– В него подуешь – я тебя всюду услышу, если, конечно, сам жив буду, – сказал Полночь. – Думай, Лемех, думай, безумие наступает, кто знает, не пришлось бы тебе против княжьей рати рогатину поднимать. Объявят вас еретиками нечестивыми, с богомерзкими эльфами якшающимися, – что делать станешь?

– Спаситель же сам сказал: несть ни эльфа, ни человека, ни гнома подземного, ни невеличка лесного, – возразил Лемех. – Или среди вас, эльфов, в Спасителя никто не верует?

– Зачем нам веровать, если в Зачарованном Лесу ещё и такие остались, что в лицо Его помнят? – ответит вопросом на вопрос Полночь. – Нам верить не надо. Мы и так всё знаем... Но сейчас всё может перемениться, Лемех. Слова Спасителя слишком уж многие горазды по-своему толковать. Святой Престол в Аркине, говорят, энциклику пустил – мол, только к людям приходил Спаситель, только их оберегал, а всё остальное Его, мол, не касалось... Впрочем, чего нам сейчас об этом спорить – если поладим, то и поговорить время найдётся.

– Вот и ладно, – кивнул Лемех. Полночь отошёл, вернулся к своим, один из эльфов-воинов принялся накладывать предводителю повязку на длинную кровоточащую царапину, оставленную когтем Гончей. Лемех потоптался на месте – никто больше не обращал на него внимания, Месяц с Гриней были поглощены ворожкой, остальные эльфы – своими ранами.

«Хозяин! Что прикажешь, хозяин?!»

«Ничего, Найда. Пока ничего. Следи, глаз не спускай!»

Собака коротко гавкнула, отдавая своре уже непонятный для Лемеха приказ. Псы рассыпались по двору, затаились – и словно нет их.

Поправив для вида двери сарая, Лемех чинно вернулся в дом. Велел Арише идти с ним и поднялся на галерею с бойницами.

– Сиди здесь, – приказал Лемех сыну. – Смотри за гостями нашими, как бы чего не учудили. Гриня там ворожит – на него тоже смотри. Как бы парню глаза не отвели. Если увидишь, что он к воротам за ними двинулся, – разрешаю ему беличью стрелу в зад вогнать, ежели иначе остановить не удастся.

Ариша вопросов задавать не стал.

– Всё понял, батюшка, исполню в лучшем виде.

Хороший всё-таки у меня старший, послушный да понятливый, подумал Лемех, спускаясь вниз.

Эльфы возились на дворе ещё долго. Извели весь кипяток на какие-то примочки с припарками, попросили ещё. Месяц с Гриней наконец бросили рукоблудствовать над раненой, уселись прямо на землю, тяжело дыша, – Лемех зорким взглядом даже издали углядел совершенно безумные глаза младшенького.

Пора.

Дверь тяжело бухнула у Лемеха за спиной – хакнула, точно осадная катапульта. И бывший волонтёр «Весельчаков Арпаго» Лемех пошёл вперёд так, словно за ним грохотала коваными сапожищами вся его рота. Только на сей раз, предчувствовал Лемех, ему будет куда труднее.

Гриня уже малость оклемался и теперь, глупо расшелепив губы, во все глаза глядел на едва пришедшую в себя эльфийку. А она, чародейка лесная, тоже смотрела на него... и так смотрела, что Лемеху вновь стало не по себе. С обладательницей такого взгляда спорить ох трудненько – того и гляди в жабу превратит, если, конечно, верить бабьим сказкам, что эльфы на такое способны.

– Гриня! Пойдём, Арише поможешь, – обычным своим строгим, но не чрезмерно, голосом сказал Лемех. И заметил, как разом уставились на юношу все шестеро эльфов.

Та, которую лесные гости называли Бороздой, лишь затрепетала ресницами, но так затрепетала, что у Лемеха перехватило в груди.

Гриня поднялся, не отрывая при этом взгляда от обрамленного золотыми волосами лица. Лемех не сомневался, что парень сейчас едва ли что-то вообще слышит – это ноги его сами понесли, отцовский голос узнав.

– Он нам ещё может понадобиться, – не слишком любезным тоном сказал Месяц. – Борозда ещё очень слаба... отдала слишком много сил, когда колдовала.

– Дозволь уж ему остаться, почтенный Лемех, – произнёс Полночь, и хозяин заимки вновь увидел, как дрогнули лица эльфов. Они очень старались сдержаться, но всё-таки не смогли. Оно и понятно – назвать человека «почтенным»! В страшном сне такое раньше только присниться и могло.

– Дозволь, батюшка! – взмолился и Гриня.

– Ежели раненой вашей хуже станет – позовёте, гости дорогие, – непререкаемым тоном сказал Лемех. – Чай, не за три моря бежать. И мига не пройдёт, как рядом с вами окажется. А работу его домашнюю я на других переключивать не собираюсь, да и вообще – в своём доме пока что я хозяин.

– Пока он в угольки не превратился, – угрюмо сказал Месяц.

– Это мы ещё посмотрим, – посулился Лемех.

– Смотри, смотри, человече, – Месяц вытащил короткий серповидный кинжал и принялся вырезать свою стрелу, что так и оставалась торчать в груди мёртвой Гончей. – Смотри, как бы всё на свете не просмотреть.

– Ты, гость дорогой, говори, конечно, что вздумается, на то ты и гость, – не утерпел Лемех. – Да только вежество тебе тоже не мешало помнить. Я к вам не приходил. Границ Зачарованного Леса не переступал. За камни ваши проклятушие не заглядывал. Вы сами ко мне в дом пришли, раненую принесли, стали помощь просить – а теперь грозите? Хороши же, нечего сказать!

– Месяц! – резко сказал предводитель. – Лемех прав. Ему бесполезно грозить. Он должен понять всё сам... – и Полночь добавил что-то по-эльфийски.

Шестёрка лесных воинов, уже промывших и перевязавших раны, собралась вокруг носилок с раненой Бороздой. Полночь негромко заговорил, то указывая на неподвижную эльфийку, то обводя рукой кругом. Эльфы угрюмо слушали. Лемех не стал пялиться – какое ему дело до их разговоров? – вернулся в дом успокоить жену и домочадцев да поглядеть Гриню – какую такую силу в нём гости незванные отыскиали?..

Своего младшего Лемех нашёл в малой горнице на втором этаже просторного дома. Парень сидел, уткнув лицо в сгиб локтя, и Лемех даже не отцовским чутьём – а былым опытом наёмника, коему довелось и дядькой побывать, пестуя молодых, только-только вступивших в роту вчерашних пахарей да рыбаков, понял, что говорить сейчас с Гриней нечего. А надо либо ушатом холодной воды окатить, либо...

И всё-таки Лемех заговорил. Потому как сидел перед ним всё-таки сын, а не новичок «Весельчаков Арпаго».

– Так чего это ты там с ними ворожил, сынок?

Гриня вздрогнул, отвёл руку от лица.

– Не знаю, батюшка... – и испуганно втянул голову в плечи.

– Это понятно, – терпеливо сказал Лемех. – Скажи, что в тебе ощущалось? Ну, больно это было или там жарко, к примеру, или, наоборот, – словно после доброй браги, когда в пляс тянет или там песню завести?

Гриня с усилием потёр лоб.

– Нет, батюшка. Это... это как тепло, что изнутри идёт...

– Ага, значит, всё-таки как брага, – с удовлетворением заметил Лемех. Гриня покраснел.

- Да нет же, батюшка... - начал было он, но Лемех только махнул рукой.

- Вот что я тебе скажу, младший. Много на тебя, да и на нас тоже сегодня свалилось. В тебе вот эльфы силу некую открыли. Это, наверное, хорошо, дело для нас полезное. Только ты помни: эльфа слушать не кашу кушать - в животе не прибавится. И на Борозду эту тоже, знаешь, смотреть долго не следует... - «эх, зря только время трачу. Всё равно не послушает малец... Но и не сказать тоже - как?».

- А ежели позовут, батюшка? - робко осведомился Гриня.

- Ежели позовут - иди, - без колебаний сказал Лемех. - Всякое у нас с эльфами бывало, и ратились, и мирились, но сейчас они - гости. А раз гости, то и понимай соответственно.

Гриня быстро кивнул, но в глазах блеснула радость. Ну конечно - ещё раз на златоволосую эльфийку взглянуть-то охота!..

Однако в тот день эльфы его так и не позвали. Сидели кружком вокруг неподвижной Борозды, не ели, не пили, не разговаривали - замерли, точно куклы. Мало-помалу сгустился вечер, свора Найды рассыпалась ночным дозором, Лемех вышел во двор лишний раз проверить запоры - мало ли кого привлечёт пролитая здесь кровь нечисти - а Полночь, Месяц и четверо безымянных воинов всё сидели и сидели, полуприкрыв странные свои эльфийские глаза с узкими, словно щель дверная, зрачками, и - ни гу-гу.

Лемех с ними заговаривать не стал. Зазорно хозяину утомлять гостей излишним вниманием - себя уронить можно. Гость, ежели ему что надобно, должен о том хозяину сказать, ну а уж хозяина долг - расстараться и достать просимое, горы свернуть и вверх ногами перевернуть, а добыть. Потому как иначе тоже чести дома урон.

Ночь прошла спокойно. Никто не шлся вокруг частокола, никто не тревожил псов; однако наутро Полночь сам постучался в двери Лемехова дома, не стал даже ждать, когда хозяин на двор выйдет.

Предводитель эльфов не тратил слов на приветствия и прочее. В глазах плескалась тревога, которую он скрыть то ли не мог, то ли не хотел.

– Мы уходим, Лемех, – без обиняков сказал Полночь. – Скорым маршем и под магией. Случилась беда... но тебя она пока не затронет, так что не расспрашивай меня – я всё равно не смогу ответить, слов твоего языка не хватит...

– Что ж, дороги лёгкой... – начал было Лемех, однако эльф с досадой взмахнул рукой.

– Ты не понял разве, хозяин?! Борозда отдала вчера слишком много сил. Остаться под нашим покровом она не может. Нам придётся просить тебя, чтобы она пока побыла бы на твоём дворе, пока другой наш отряд не придёт за ней. Обещаю – внакладе ты не останешься, – эльф полез за пазуху зелёной куртки.

– погоди, – спокойно сказал Лемех. – Не надо мне от тебя ничего, раненую принять – долг гостеприимства велит. Вот только что я делать стану, коли на меня соседи ополчатся?.. Не все ведь к вам, не в обиду тебе, Полночь, будь сказано, так же, как я, относятся...

– Тебе ли, солдат удачи, каких-то пахарей, чёрной кости бояться? – презрительно хмыкнул эльф.

– Ты, гость дорогой, меня не учи, как мне с соседями жить, – нахмурился Лемех. – Борозду твою приму. Только смотри... не задерживайся!

Полночь хотел ещё что-то сказать, но передумал, смолчал. Только кивнул, повернулся, и несколько минут спустя весь отряд эльфов уже шагнул через отваленную половину ворот заимки. Борозда, по-прежнему недвижимая и безгласная, осталась лежать под своим навесом.

Наставления, данные Полночью и Месяцем перед дорогой, оказались очень просты. Мол, слушай, хозяин, что Гриня скажет. С ним одним Борозда заговорить сумеет.

Ладно.

Сперва домашние Лемеха во все глаза пялились на неподвижно лежавшую эльфийку, но потом попривыкли. Прошёл день, прошёл другой, на третий случилась небольшая тревога – видно, кровь Гончих приманила-таки сюда пару диких вампиров, небольших, давно уже разучившихся говорить и сохранять человеческий облик – Найда со сворой вовремя подняли тревогу, а стрелы Лемеха с сыновьями довершили дело. Утром, как и положено, подстреленные вампиры рассыпались серым прахом.

Невелико дело, не впервой заглядывают сюда такие гости, и как с ними поступать, даже малый ребёнок знает.

Борозда всё время пролежала недвижно и безгласно, хотя Лемех не сомневался, что хитрая эльфийка всё, конечно же, и видела, и слышала.

Раненая ничего не ела, только пила воду – и ту не из колодца, во дворе вырытого, а из дальнего ручья, из самого его истока, из бившего под камнями ключа – Гриня, ног не жалея, таскался в немалую даль, таскался пешком, поскольку кто ж даст на такое дело лошадь в самую что ни на есть сенокосную пору!..

Всё вроде б снова пошло на заимке своим чередом – соседи не заглядывали, время горячее, не до посиделок, сами Лемеховы работали от зари до зари – и только Гриня, что стал не в пример молчаливей да задумчивей, старался всякую свободную минутку провести возле Борозды. Как уж они ухитрились ещё и разговаривать – Лемех не знал и знать не хотел, но вот однажды, спустя дней десять после визита эльфов, когда уже и сенокос пошёл на убыль, ветер донёс запах дыма.

Далеко на востоке, у самого окоёма, возле приметной рощи вековых дубов, где стояла заимка самого ближнего Лемехова соседа, Бороды, – там к небу тугой спиралью поднимался чёрный дым пожара.

Что такое? Почему? Случайно вспыхнуло или?..

Никто, конечно, никуда не поскакал, никто не бросился соседу на помощь – какая уж тут помощь, пока доскачешь, коня загнав, там уже головёшки только и останутся. Или Борода сам справится, или...

Борода не справился. Дым поднимался ещё долго, пока наконец не истаял и сам собой не сошёл на нет.

Ночью Лемех вышел во двор – спать не мог, мучила тревога. Найда чёрной тенью бродила по двору – тоже беспокоилась, но что, почему – собака объяснить не смогла.

Вызвездило. Лемех постоял, закинув голову, глядя вверх, – говорят, там, за твердью небесной, иные миры, и, бают, такие же люди там живут, как и здесь... Враки, конечно же, но небо красивое.

Украдкой Лемех бросил взгляд на эльфийку – это ведь её родня исстари считалась Народом Звёзд – да так и обомлел. Рядом с Бороздой сидел, замерев и ничего вокруг себя не видя, Лемехов младшенький, Гриня, сидел, что-то заунывно тянул себе под нос (Лемех не смог разобрать ни одного слова) и всё водил, водил руками, точно слепой, над головой неподвижной эльфийки.

Лемех с трудом подавил желание сгрести сопляка в охапку, швырнуть куда подальше, подальше от этой ведьмы: если у парня и вправду сила, вот так вот его хватать – беды не оберёшься. Лемех осторожно подошёл ближе – и нарвался, словно на нож, на пронзительный взгляд нечеловеческих глаз. Борозда смотрела прямо на него, и в голове Лемеха медленно зазвучали слова – без выражения, просто слова, словно его собственные мысли.

«Не трогай его, человеке. Он уже не твой».

«Но и не твой», – ответил Лемех, пристально глядя в узкие светящиеся глаза.

«Не мой, – неожиданно согласилась эльфийка. – Он свой собственный. Не мешай же ему идти своим путём, человек».

«Может, и не стану мешать, – неторопливо подумал Лемех. – Скажи только подробнее, что за путь?»

«Твой сын родился с великим Даром. Только один Дар способна вместить в себя человеческая душа, но зато этот Дар не сравнить с тем, которым наделены мы, эльфы. Надвигается время бед и горя, все, кто владеет Даром, не имеют права

оставлять его неразвитым, потому что Дар – куда более мощное оружие, чем все мечи и копья мира, вместе взятые...»

«Складно говоришь, – спокойно сказал в ответ Лемех. – Ну что ж, коль сыщется у парня Сила – сведу его к чародею. Пусть проверит. Ордосская академия хоть и не ближний свет, а и туда люди хаживают. Пусть на волшебника учится. Тоже дело. Многих других получше».

«Нет, нет, человеке! – казалось, эльфийка испугалась. – Не делай этого, если только не хочешь немедленной смерти собственному сыну! Его Дар другой, он совсем особенный, человеческие чародеи Ордоса не справятся с ним, и огонь, бушующий внутри твоего сына, тогда просто пожрёт его – без надежды на спасение!»

«Ты, Борозда, мне зубы не заговаривай, – Лемех очень старался оставаться спокойным. – Иль я не знаю, что эльфы тоже в Ордосе обучаются? Иль ты забыла, что говоришь не с мужиком запечным, что со своего подворья ни ногой? Бывал я и в том Ордосе, и на окраинах Нарна бывал, с Тёмными Эльфами беседовал. Не лги мне, не позорь своё племя!»

Борозда ответила не сразу – глаза мерцали, чёрные щели зрачков то почти что сходились, то вновь расширялись.

«Тёмные Эльфы – наши враги. Их магия берёт своё начало в крови и смерти. Поэтому она сродни людской. Наша – совсем иная. И у Грини – нечеловеческий Дар. Не спрашивай меня, откуда он у него взялся. Но развить его можем только мы, Светлые Эльфы Зачарованного Леса!»

«И что же ты хочешь мне тем сказать, Борозда?»

«Он должен уйти со мной. В Лес. Там ему будет лучше, поверь, человеке».

«Ну, а я, эльфе, – передразнил Лемех свою собеседницу, – так тебе на это ответу – скорее солнце на западе взойдёт. Ты поняла меня?»

«Ты видел, как горела заимка Бороды?» – вопросом на вопрос ответила эльфийка.

«Так и думал, что ваша работа», – глаза Лемеха опасно сузились.

«Ошибаешься, – насмешливо возразила Борозда. – Никого из наших там и близко не было. Зарёнка, дочь Бороды... помнишь её?»

«Как не помнить!»

«Не ты ли её для Ариши приглядывал?»

«Не твоё дело, эльфка!»

«Снова ошибаешься, – послышался ответ. – Теперь уже моё. Потому что у девочки тоже есть Дар, очень для нас полезный... и она станет моей ученицей. Мы не воры и не разбойники. Мы никого не крадём. К нам приходят сами, по доброй воле, или не приходят совсем. Потому Полночь и предлагал тебе стать одним из воинов Эльфийской Стражи, Лемех. Тогда вы с Гриней были бы вместе...»

«Так что с заимкой Бороды?!»

«А с ней вот что, Лемех. Борода тоже не хотел отпустить свою любимую дочь к нам в Зачарованный Лес. И тогда она спалила всю заимку. Вместе с теми, кто пытался остановить её».

«Гм... спалила, значит, – сплюнул Лемех. – А с самой девчонкой что же случилось?»

«Разве волшебник гибнет в том огне, который сам разжёт?»

«Понятно. Значит, уже пятки маслом смазала, к вам в Лес драпает... – Лемех подошёл ещё ближе, положил руку на плечо Грине. – Спасибо, что сказала».

«Ты, надеюсь, теперь станешь вести себя разумно?» – немедленно спросила эльфийка.

«Угу. Очень разумно, – усмехнулся Лемех. – Гриня! Пошли!» – добавил он на том же неслышимом языке.

«Стой!!!» – трепыхнулась было Борозда, но воля Лемеха пересилила. Гриня вздрогнул и открыл глаза.

– Идём, сыне, – мягко сказал Лемех. – Негоже тебя по ночам гулять. У нас тут с тобой дело одно есть...

– Батюшка... Я... мне... тут... помочь надо... – забормотал несчастный парень.

– Ничего с ней не сделается, – по-прежнему мягко и увещательно сказал Лемех. – Пойдём, сынок. Не просто так, оказывается, заимка Бороды сгорела...

– Заимка Бороды? – непонимающе раскрыл глаза Гриня.

– Она самая. Ты что, забыл, что ли?

– А-а... – протянул Гриня, и по всему видно было, что нет ему уже никакого дела ни до самого Бороды, ни до его сгоревшего подворья.

– И сожгла её знаешь кто? Зарёнка!

– А-а... – всё с тем же безразличием.

– Что «а-а»? – рассвирепел Лемех. – Понимаешь ты или нет, голова садовая, что...

– А Борода сам виноват, – со внезапной решительностью сказал Гриня. – Не надо было ей препоны чинить... всё бы мирно и обошлось.

– Это ты сам говоришь или она за тебя?! – Лемех кивнул на эльфийку.

– Сам, – буркнул в ответ Гриня, нагибая голову.

– А коли сам, – Лемех взял парня за плечо, легко приподнял – никуда не делась с годами былая сила в руках! – коли сам, так пойдём в доме потолкуем, как добрым людям положено...

– А я не хочу – как добрым! – взвизгнул Гриня, затрепыхавшись, словно плотва на крючке. – Не хочу я! Отпусти меня! Я ей нужен!

– Мне ты тоже нужен, – свирепея всё больше, рявкнул Лемех. – Матери своей ты тоже нужен. Вставай!

И, видать, столь грозен был вид Лемеха, что Гриня как-то вдруг обмяк, перестал дёргаться, позволив разгневанному отцу увести себя в дом.

– Слушай меня, малец, – рыкнул Лемех, едва они с Гриней оказались в сенях. – Знаю, что за песен ты наслушался. Силу в тебе эта Борозда открыла, вот голова-то кругом и пошла. Только я тебе так скажу...

Лемех уже раскрыл рот, чтобы завести речь о магах Ордоса, об Академии Высокого Волшебства, но лицо Грини внезапно исказила гримаса отвращения и ужаса.

– Нет, батюшка, нет! – тонким голосом взвыл парень, повалившись в ноги отцу. – Погубят они меня там, как есть погубят! Изведут, замучают, запытают, со свету сживу-у-ут, а-а-а... – Гриня внезапно зарыдал.

– Эй, парень, в себя приди! – гаркнул Лемех в полной растерянности. Давным-давно уж не плакали его сыновья, даже получая побои в ярмарочных кулачных сходах...

– Отпусти меня, батюшка-а-а... Мне она любя... с ней хочу... она меня с собой зовёт... мол, ты меня спас, ты для меня теперь – всё... Судьба это моя, батюшка, у-у-у!..

– Свою судьбу, – медленно сказал Лемех, – сам для себя проложишь. Когда в силу войдёшь. Меч в руках как следует держать научишься. Стреляешь уже неплохо, но этого мало. А как увижу я, что всё, тесен тебе отцовский двор, – неволить не стану. Хотя и думал, что ты ремеслу обучишься, поблизости где-нибудь осядешь... Что ж, мир велик. Я в своё время повидал... достаточно. Может, и тебе захочется. Эбин поглядеть, султанскую столицу в Кинте, Аррас...

– Не нужен мне Аррас! Я в лес хочу, с эльфами!..

– Как девчонка рыдаешь, – с каким-то спокойным удивлением сказал Лемех. – Да, сынок, видно, плохо я тебя учил.

– Плохо не плохо – отпусти! А то сам уйду!

– И дом спалишь? – в упор спросил Лемех. – Да ещё и колом двери подопрёшь, чтобы не выскочили раньше времени?

Гриня молчал, всхлипывая и размазывая кулаком злые слёзы.

– Так спалишь или нет? – с прежним спокойствием сказал Лемех. – Ты скажи, я хоть скотину выведу – она-то за что погибать должна?

– Ничего я палить не стану, – с трудом выдавил наконец Гриня. – Я...

– И на том, сынок, спасибо, – без тени насмешки сказал Лемех. – Не верю я этой Борозде – столько лет у нас с эльфами ни войны, ни мира, одни набеги, а тут вдруг – в Эльфийскую стражу зовут! Неспроста им людские мечи понадобились, и неспроста – те мальчишки с девчонками, что управлять Силой способны. Большая кровь грядет, Гриня, сынок, поверь мне, я по свету немало хаживал и воевал тоже немало... и уж такие вещи, как говорится, за версту чую.

Гриня угрюмо сопел, уставившись в пол. Молчал и даже на отца не глядел. То ли сказать парню нечего, то ли всё равно по-своему мыслит...

– Уехать тебе надобно, – со вздохом сказал Лемех. – Пока эта Борозда здесь – не будет ни тебе, ни мне покоя. Сманит она тебя... и все дела. А как в Зачарованном Лесу очутишься – дороги назад уже не ищи.

– Отец... батюшка... – внезапно вырвалось у Грини. – Да люблю я её! Люблю! И всё тут...

Лемех потемнел.

– Ты такими словами, сыне, зря не разбрасывайся, – строго предупредил он. – Их только раз в жизни и только одной говорить положено. А ты: «Люблю, люблю!...». Да почём ты знаешь?..

– Знаю – и всё тут, – стоял на своём Гриня.

Лемех помолчал. Крепки лесные чары, ничего не скажешь. Знали эльфы, кого на носилки положить, когда к его заимке сворачивали!

– Ладно, – он поднялся. – Утро вечера мудренее, иди спать. Работать за тебя завтра кто будет?..

– Отпусти меня, батюшка, – тихо и настойчиво повторил Гриня. – И хорошо бы ты сам со мной пошёл. Полночь дал же тебе свисток... свистнул бы, призвал его, потолковал, в Стражу б вступил... Жили б мы, горя не знали... Чуть что – в лесу бы сховались...

– Своим умом да своими руками человек жить должен! – не выдержав, Лемех возвысил голос. – А не тараканом запечным у призраков лесных!

– Да чем они нас хуже?! – заорал в ответ и Гриня, забывшись окончательно.

– Ничем, – неожиданно для паренька ответил Лемех. – Навидался я этих эльфов, всяких перевидал и хлеб с ними переламывал, и на мечях, случалось, сходились. И тебе скажу – ничем не хуже, кабы волшбой бы не занимались без дела. Всё ворожат, ворожат чего-то, а ведь ведомо – чародейство потребно как инструмент только, пила там, к примеру, или, скажем, топор. Не к добру это, сыне, мы, на земле живущие, сил запредельных касаться не должны, как Спаситель нам заповедал. И вижу я, куда эта Борозда тебя поведёт – к их эльфьей магии, для нас, людей, запретной. Вон Зарёнка – мыслимое ли дело, девка дом родной спалила!..

– Может, то случайно вышло, – пробормотал Гриня, опуская глаза под пристальным отцовским взглядом. – Может, она ещё не хотела...

– Так завсегда получается, – отрезал Лемех. – И не хочешь, да само из-под рук прёт. Не успеешь оглянуться, а тебя уже за татьбу на правёж ставят. Нет, Гриня, вот тебе моё отцовское слово – пойдёшь куда хочешь, коли и вправду в тебе Сила открылась – сам до Академии провожу, благословлю и деньжат на гульбу подкину, но в Лес я тебя не пушу. Ни к чему нам это эльфье чародейство. Понял ты меня?

– Понял, – с ненавистью бросил Гриня, отворачиваясь к стенке.

– Ничего ты не понял, – вздохнул Лемех. – Ладно, сыне, на меня можешь обижаться. Потом сам благодарить будешь.

...Оставив Гриню взаперти и строго-настрога наказав проснувшемуся Арише ни под каким видом не оставлять бесноватого младшенького без присмотра, Лемех вновь вышел во двор. Эльфийка лежала всё такая же неподвижная, ни один локон не сдвинулся, но Лемеха почему-то не оставляло чувство, что лесная гостья пристально смотрит прямо на него – сквозь плотно сомкнутые веки.

И заговорила она первой, словно ждала.

«Зачем пришёл, Лемех? Проклинать будешь, ногами топать, бранью сыпать? Или, может, просто колом осиновым проткнёшь, да и зароешь где поглубже? Не советую – Месяц тогда не только тебя, но и всю твою заимку на кожаные ремешки пустит».

«Не пугай», – коротко отмолвил Лемех.

«Хочешь сказать – ты уже пуганый? Эх, не те вас пугали и не так, как надо. А теперь из-за вас, людей, по земле такие страхи ползут да нечисть погибельная, что никакая магия уже не справляется!»

«Это ещё бабушка надвое сказала, – ответил Лемех. – Тут у нас никаких страхов не видать. А что Гончие забрели – так раз в год какая-нибудь нечисть непременно да появлялась. Почему бы не они?.. Но ты, Борозда, меня в свои разговоры не втягивай. Мне до них, равно как и до дел твоих, касательства нет. Мне нужно, чтобы ты парню моему голову не дурила, положением своим раненой гостьи пользуясь. Я в твою часть не вступаю, а ты не вступай в мою. Идёт?»

«Нет, не идёт, – прошелестело в ответ – словно берёза в летний день листвой под легким ветром. – Не идёт и не пойдёт, Лемех. Потому что ужели ж ты ещё не понял, что Зачарованный Лес не только себя, всех вас от Нечисти защищает?.. И потому, что для Леса благо – на пользу и тем, кто рядом с ним живёт, его тенью и его силой прикрываясь».

«Отродясь ничем не прикрывался! – рассердился Лемех. – На свои руки всегда рассчитывал и ни разу ещё не просчитался!..»

«Позови Полночь, – вместо ответа вдруг сказала эльфийка. – Среди нас он больше всех вас, людей, любит, считает, что дружба нужны и союз... Позови его, сходи с ним вместе в Лес, своими глазами посмотри, что и почему... Тогда, быть может, сам в Эльфийскую Стражу согласишься».

«Там видно будет, – ответил Лемех. – Ты мне другое скажи – парню моему голову неразумную его крутить перестанешь?»

«Нет, – напрямик отрезала Борозда. – Потому что Лес – он превыше всего. Даже если ты меня колом проткнёшь, Лемех, я всё равно не отступлюсь. А за мной, будь уверен, и другие придут».

«Хорошо, – твёрдо сказал Лемех. – Так – значит, так. Больше Гриня не подойдёт к тебе, можешь быть уверена. Я за это тебе ручаюсь».

«Не зарекайся раньше времени», – предупредила эльфийка и умолкла.

Лемех повернулся к ней спиной и вернулся в дом – досыпать, хотя, понятное дело, какой уж тут сон!

Наутро, с зарёй, едва только заимка Лемеха проснулась, хозяин строго-настрого наказал всем не спускать с Грини глаз, чуть что – звать его, Лемеха, а к раненой – не подходить, считать как зачумлённую.

– Не беспокойсь, батюшка, я от брата не отойду, – посулился Ариша.

Этот день, и следующий, и ещё один прошли вроде б как спокойно. Никто не завывал ночью под воротами, не схватывалась с мелким зверьём свора Найды, не приходилось Лемеху с сыновьями и другими мужиками хвататься за топоры и рогатины. Даже обычного июльского набега одомарей, когда-то домашних духов, но – бродячих, одичавших и давно уже обзаведшихся чем-то вроде тела, слепленного из всякого лесного сора, – даже этого набега, по которому, бывало, дни можно было отмечать, так и не дождалось. Гриню стерегли пуще глаза – парнишка сперва бунтовал, возмущался, но потом притих и сделался как-то уж

больно подозрительно послушен. А Лемех с нетерпением ждал осенней ярмарки – путь не близок, почти сотня верст, куда дальше их обычного торжища, зато на дальнюю ярмарку каждый год приезжал старенький уже маг-доглядчик, в самом Ордосе выучившийся. Ему-то он, Лемех, и покажет Гриню. Чем в Лес отпустить, пусть уж лучше и впрямь на мага полноценного учится!

Борозда все эти дни лежала словно неживая. Кукла куклой; к ней привыкли и почти перестали замечать.

Между делом побывали и на сгоревшей заимке соседа Бороды – не нашли там никого и ничего. Дом, сараи, амбары, хлева – всё сгорело дотла, а погорельцы, если кто остался в живых, видно, решили податься в иные места.

В этот поход Лемех взял с собой Гриню, не без тайной надежды, что парень одумается – да только куда там! Мальчишка на пожарище даже смотреть не стал.

И никто ничего не слышал про канувшую безвестно Зарёнку.

Миновал июль, август подступил, вот-вот пора браться за жатву. Хлеба поднялись на славу, избегли и суховеев, и мокрени – жни да радуйся.

А гостей из Зачарованного Леса всё не было и не было...

Первая седмица августа промелькнула за привычными делами, как день один. Ариша ходил за Гриней следом как привязанный, даже в месте отхожем не оставлял одного – хоть за это Лемех мог быть спокоен.

А потом...

Ночь опять выдалась тревожная, Найда беспокоилась ещё с вечера, но ничего толком сказать не могла. То ли нечисть новая, то ли гости под магией своей – кто знает? Вечером, ложась спать, Лемех строго-настрого наказал Арише не раздеваться и быть готовым, буде что, к драке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/nik-perumov/el-fiyskaya-strazha>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)